

АНГЛИЙСКИЕ ПИСЬМА

На конгрессе Пенклуба

3. Среди всего интересного и разнообразного, что говорилось о новой литературной технике и что, к сожалению, я не могу передать читателю за недостатком отпущенного мне места, упомяну о большой активности переводчиков. Выросшая роль международных организаций, ведающих делами культурной связи народов, — и местных, — подобных Британскому совету или Обществу культурной связи — и интернациональных, подобных ЮНЕСКО, — не только подняла значение переводчиков, но и поставила в порядок дня вопрос о точности перевода — точности национально-смысловой, чтоб перевод правильно передавал именно то, что хотел сказать и сказал автор переводимой на другой язык вещи. Мы убедились за последнее время, какой неисчислимый вред приносит неточный (хотя за неосведомленностью автора в чужом языке часто даже «авторизованный») перевод, пускаемый в мировое обращение. Он приносит вред и своим плохим качеством, создающим ложное представление о художественной ценности оригинала: и своими отсекающими, неточностями, фальшью, искажающими смысл подлинника; и, наконец, тем, что плохо переведенная книга создает неверную репутацию автору, которую потом очень трудно изменить новыми переводами. Особенно об этом должны подумать мы. Наши советские книги и статьи переводятся большей частью у нас же, в наших, созданных для этой цели издательствах, в ВОКСе, в Совинформбюро и т. д. И часто даже те из нас, кто знает иностранные языки, не имеют времени проверить их.

Англичане любят слово и с величайшим интересом относятся ко всему, что связано со словом. — к словарям, к исследованиям форм языка, к истории развития языка. Оксфордские словари английской фразеологии, современного английского языка — одни из самых дефицитных, быстро распространяющихся и трудно доставаемых книг. «Наш язык» Симеона Поттера. «Словарь современных английских выражений» Генри Ватсона Тоулера. — читаются, как романы; и в неларом новейшие формы фило-

софии в Англии вырастают из толкования различий в применении и значении слов, — правда, философии, при некоторой ее практической пользе, — глубоко реакционной. Но там, где речь идет о переводах, эта большая культура слова и активный интерес к языку по-настоящему на месте. Интересно было послушать шотландскую писательницу Наоми Митчисон, говорившую б з бумажки, с широким и вольным жестом опытного оратора-общественницы: «Переводы и обмен идеями особенно важны между Востоком и Западом... Некоторые типы идей и положений, хотя и приемлемы в одной культуре, неприемлемы и даже шокируют в другой. Мы имеем вкус к умствующему, сложному, слегка ироническому, шутливому писанию. Это не ценится в очень серьезных странах, так же точно в этих странах не понимается наш тип умалчивания...». Как пример разного понимания вещей, Митчисон привела Гамлета: «В мусульманских странах крайне важное значение придается взаимоотношению брата и сестры. Поэтому в Гамлете положение «Офелия—Лаэрт» представляется там важнее положения «Офелия—Гамлет» и пьеса немедленно принимается другой характер». Правильный перевод требует большой культуры, а не только знания смысла слов по словарю, которое часто может подвести переводчика. О том же, но более длинно, говорил и английский писатель Лоттиан Смолл, закончивший призывом: «Переводчики всех стран, соединяйтесь!».

На заседании, посвященном историкам, был дан бой последователям немецкой школы Ранке, засушившего предмет истории до такой степени, что всякая хорошо написанная книга по истории тотчас же бралась под подозрение, как не научная. Но и профессиональные историки огрязались, ловя авторов художественных монографий даже с очень большими именами (как Андре Морюа или Стрэчи) на множестве ошибок, искажений исторической правды и попросту на вранье. Досталось все же больше ученым. Кто-то сказал с трибуны в их адрес: «Груда яиц — еще не яичница», а другой оратор, англичанин Б. Лидл Харт, предостерег от слишком большой фетишизации архивного документа: «Многие бумаги часто составлялись с целью ввести в

заблуждение или умолчать о чем-то. Больше того, реальная борьба страстей, происходившая за сценой и широко определявшая принятые решения, редко когда вообще отражалась в документах». Удивительным для нас по своей наивности было представление ораторов конгресса развитии исторической биографии. Вместо того, чтоб хотя бы вкратце сказать, что сделано макиериалистами за последние полвека для углубленного понимания социологического фона, на котором выступает личность и который помогает лучше понять ее и ее дело, — члены конгресса окончательно ушли от всякого социального анализа в изолированный внутренний мир личности. По мнению выступавших, шаг вперед сделан только методами Фрейда и Пруста, то есть проникновением в родовое и в индивидуальное «подсознание» человека.

И все же голос историка-марксиста прозвучал в эти дни, хотя, к сожалению, и не на конгрессе. Вышла новая книга Джэка Линдсея «После тридцатых годов. Британский роман и его будущее». Сам член Пенклуба, заглянувший мимоходом и в зал медицинского колледжа, и к нам на хоры, Джэк Линдсей, к сожалению, не выступил на конгрессе. Но его книга именно в эти дни дала, в сущности, ответ на многие вопросы повестки дня, оставшиеся не отвеченными.

В этой умной, с марксистских позиций написанной книге Джэк Линдсей напоминает, что такое «английская публика», вернее, английский рабочий люд, и как установить с ним контакт. И сразу рассеивается созданное многими ораторами смутное представление о темной, чуждой искусству толпе, снижающей своим низким культурным уровнем стандарты литературы, театра и музыки. В книге приводится несколько ярких фактов, о которых странно было запомнить творцам искусства. Годы войны, Лондон под бомбами; старый, прекрасный театр, классически исполняющий Шекспира, «Олд Вик» — выгнан бомбами из своего здания. И он уходит из столицы со всем своим коллективом — в народ, в индустриальные города Англии, где каждое представление Шекспира воспринимается благоговейно и с величайшей благодарностью рабочими зрителями. Странствующие группы актеров и музыкантов дают концерты в церквях, под открытым небом, на деревенских площадях. В один только 1943 год состоялось четыре тысячи четыреста сорок девять таких концертов!

Но я буду неправа перед читателем, если ограничусь лишь тем, что успела сказать о конгрессе Пенклуба. Было и там событие большого творческого порядка. Один из его делегатов, индийский писатель Бинод Рао, произнес с трибуны замечательную речь.

Критик Скотт Годдард писал об этом: «Вся музыка этих концертов состояла из прекраснейшего в музыкальной классике. Аудитория явно наслаждалась этой музыкой. Что происходит сейчас в деревнях и на фабриках, — превращается в одно из крупнейших популярных движений нашего времени. Стыдно сказать, что понадобилась война для того, чтобы оно началось». В одном из официальных рапортов рассказано, как в Портсмуте дали Пятую симфонию Сибелиуса, «крепкий орешек и для на тренированного уха». Что произошло? «Степень концентрации внимания была так велика, что почти непереносимо было наблюдать ее...». Рядом с тем, кто писал этот рапорт, «стоял обыкновенный, простой матрос с лицом, испещренным шрамами, и с узловатыми руками. Глаза его были мокры от слез... Он никогда не слышал оркестра и сейчас не мог оторваться от него». На заводе исполняют Баха, и опять рапорт отходит от официального отчета в живую взволнованную речь: «Кто сказал, что Бах скучен? Они просят еще и еще...». Как знакомы эти страницы нам, пережившим начало революции и первое приобщение нашего народа, кронштадтских моряков, петербургских текстильщиков — к массовому искусству, к величию серьезной музыкальной классики! То же самое случилось в сердце Англии в тяжелые дни войны, и писатели, собравшиеся на конгрессе решать вопрос о контакте с публикой, забыли упомянуть, что дал когда-то самим творцам, артистам, поэтам, музыкантам настоящий глубокий контакт с родным народом!

Но я буду неправа перед читателем, если ограничусь лишь тем, что успела сказать о конгрессе Пенклуба. Было и там событие большого творческого порядка. Один из его делегатов, индийский писатель Бинод Рао, произнес с трибуны замечательную речь.

Связь с публикой, — сказал Рао, — не начинается с написания книги и не кончается ее выходом в свет. Она — в подготовке книги и в ее обращении. Она рождается в опыте и наблюдении, и если слова не передают читателю того, что пережил и перечувствовал автор, — они мертвы. Один индийский трактат говорит о трех путях связи. Первый путь — путь власти; это приказ. Второй путь — дружбы; это убеждение. Но третий путь — самый верный, это женский: путь любви. Существует такая вещь, как давать и брать, — и можно «вести», в то же время и «следовать», и давать — получая. Пусть лучше писа-

тель «оседает мула искренности и простоты, чем взберется на высокого коня туманной глубины». И не надо показывать свое знание за счет незнания своих читателей, «надо писать о вершинах, но не с вершин». В наши дни есть только две причины для писателя — не понять свою публику. Одна — интеллектуальный снобизм, другая — умственная лень. Новый мир обрушился на писателя, традиции отступают, старое общество ушло, контуры нового еще не ясны. Огромное количество использованных слов, мифов и образов отнимается у нас, как старый инструментарий, и мы должны искать новые слова для обозначения новых вещей. Степень успеха, которого может достичь писатель на этом пути, намного определит будущее демократических учреждений.

Я привела лишь узловые мысли из этой речи, сказанной не очень громко и не быстро. Оратор был далеко внизу; голос его не поучал, не настаивал, он — обращался к вам. Индийский писатель говорил, делаясь и общаясь с теми, кто сидел в зале, словно осуществляя третий путь подхода к людям, путь любви. И если разложить его речь на заключенный в ней простейший смысл, — казалось бы, он не сказал ничего нового, ничего особенного. Но вместе с его речью в зал ошутимо вошло то, над чем думал весь конгресс, — вошла масса, слушатель, человеческое восприятие, та сила, в которой свершается второе рождение создаваемого искусства и без которой оно мертво. К нам наверх передалось волнение тех, кто сидел в зале. Позднее Наоми Митчисон призналась мне: этот индиец один сказал, что нужно.

И здесь мне хотелось бы сказать несколько «самокритичных» вещей. На большом поле битвы, где мы принимаем сражение идеологическим оружием слова, мы видим лицом к лицу очень сильного противника. Для того, чтоб заставить слушать и по-мочь услышать ту большую правду нового человечества, во имя которой трудились мы четыре десятка лет, — надо хорошо подготовить наше оружие, слово. Чтоб показать образ человека нового мира, настоящего, глубокого, думающего человека, отличающего золото от стекла, — нельзя прятать его за словами о возросших тысячах тиражей. Бинод Рао начал свою речь

с примера: когда статистика сообщает, что в Индии 330 миллионов населения, — это одно. А когда поэт Бендре говорит об этом же в поэме, где мать — Индия думает, простирая руки, о своих 330 миллионах детей, — это другое. И страстно хотелось, чтоб речь о нашей большой новой правде могла прозвучать в этом зале с той же силой переживаемого творческого волнения, с той же чудной силой художественного воздействия, с какой сумел выступить посланец Индии.

Конгресс кончен. При всех его недостатках, при отсутствии многих крупных писателей из Франции, из Америки и даже из Англии, это был в целом интересный и содержательный конгресс. Новый президент Пенклуба, мягкий и красноречивый французский писатель Андре Шамсон, подводя его итоги, не упомянул с том, что он был значительно более широким по теме и прогрессивным по принятым решениям, нежели прошлогодний Венский конгресс. Но при своем твердом решении быть лодшаном тихого плаванья и вести три года корабль Пенклуба между рифов и отмелей всяких опасных вопросов, решительно не допуская политики, Андре Шамсон все же произнес замечательную фразу:

«...Но мы живем в мире, и мы не можем закрыть окна до такой степени, чтоб время от времени сильные ветры из внешнего мира не проносились через залы, где мы заседаем. Проблемы, стоящие перед всем миром, будут стоять время от времени и перед нами; и я не верю, что, какова бы ни была наша бдительность, мы сможем помешать дыханию этих ветров пронеситься над нашими головами». Нельзя не почувствовать признательности к тому, кто все же произнес эти живые слова. Надо ли людям искусства бояться вольного ветра? Дыхание сильных ветров современности, дыхание исторической жизни народных масс не разорвет, а только наполнит паруса кораблей мировой литературы!